

A

~~2782~~

Рос 4.3
1-215

ВОЛЯ РОССИИ

ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ
И КУЛЬТУРЫ

ПРАГА

1928

VOLIA ROSSII – REVUE MENSUELLE

ВОЛЯ РОССИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. И. ЛЕБЕДЕВА,
М. Л. СЛОНИМА,
Е. А. СТАЛИНСКОГО,
В. В. СУХОМЛИНА

7-ой ГОД ИЗДАНИЯ

III

МАРТ

46-300.

ПРАГА

1928

ваётся и свой собственный голос, свое собственное «я»:

Вниманье, князь, — на родине,
Где моря зыбь глухая,
Шалаш такой же, в роде
Последнего сарая.

К нему вот на пустырь,
Прорезанный приборя бритвой,
Пришел гостить, не то, что ты,
Хозяин битвы — перед битвой.
Строитель дома для вселенной
Пришел, как равный к шалашу,
А вся мирок, владыка пены,
Я только в случай заношу.

Этот отрывок из поэмы «Дорога» (если не считать последнюю строку) вполне самостоятелен. К сожалению такие прорывы собственного голоса у Тихонова чрезвычайно редки. По ним невозможно еще составить себе ясное представление о новом «лице» Тихонова. О новом, потому что все же можно сказать с уверенностью, что Тихонов будущих книг, если, конечно, он преодолет в себе Пастернака, будет иметь мало общего с Тихоновым «Баллады о синем пакете» и «Дезертира».

А. Леонидов.

Артем Веселый. Дикое сердце. Изд. Федерации Объединений Советских Писателей «10 лет октября». Москва. 1927.

Артем Веселый внес в русскую литературу очень своеобразный и интересный прием. Он отказался от изображения личностей, от психологических переживаний героев, даже от сюжета с его завязкой и развязкой, порвал с традицией прошлого большого искусства, остался с одним голым «коллективом», с толпой революцион-

ных солдат, матросов, партизан, — и сумел в этой пустыне создать несколько значительных вещей. Но, с течением времени, в самом процессе творчества, Артем Веселый почувствовал опасность повторений (ибо толпа чаще всего однообразна в своих проявлениях и разнообразна только индивидуальности) и обратился за поисками героя. Пока же — в этих поисках — он облюбовал себе одного героя, которого стал воплощать во многих лицах, разнообразя их небольшими индивидуальными чертами. Это человек, рожденный и воспитанный революцией, крепкий, стальной, готовый каждую минуту умереть или лишиться другого жизни (будь то даже лучший друг или любимая женщина), — одним словом, это один из тех, которым посвящал свои баллады Н. Тихонов.

Гвозди б делать из этих
людей, —
Не было б в мире крепче
гвоздей!

«Дикое сердце» А. Веселого — очень сильный и жестокий рассказ. После И. Бабеля и Вс. Иванова, нас трудно удивить чем-нибудь жестоким и беспощадным. Но «Дикое сердце» все же поражает. Тяжелый, бесчеловечный, казалось бы, рассказ. Но чем бесчеловечнее поступки людей, тем сильнее человеческие страсти, тем выше и яснее человеческая боль. (Может быть, здесь многое отчисляется автору за счет «человечного» читателя?).

Рассказ написан, как всегда у Веселого (тут он соприкасается с Б. Пильняком), отрывочно, ха-

отично: мысли и слова не вытекают одни из других, а врываются откуда-то и идут на встречу ворвавшимся, новым. Эта разорванность стиля передает волнение и отрывистое дыхание автора.

Правда, стремление изобразить красочно шум и голоса, передать звуки человеческих восклицаний, для которых нет в азбуке букв, приводит иногда А. Веселого к таким, например, фразам:

«... бра, зна? .. Ууу, щц ... Черно... Пух-пух, та-та-та-та-та ... Ммм ... Обшад, гирцева-нова, бам-бам... Зззз... Иииии... Кххх... Талалы-лалалы Ку-гу...».

— но прекрасное знание русских областных наречий, поговорок и народных песен искупает эти отдельные неудачи языка.

Очень характерно, что рассказ, начатый хаотично и смутно, постепенно, к концу, — когда автору уже не до стилистических, если хотите, манерностей, — проясняется и становится совершенно ясным. «Дикое поле» у А. Веселого с сюжетом и, если все же без завязки, то, во всяком случае, с развязкой и, при этом, даже драматической (мелодраматической?).

Героиня рассказа — Фенька. Вместе с человеком, которого она любит, с Илькой, она ведет подпольную, террористическую борьбу с существующей властью. После долгой и смелой борьбы они оба оказываются в камере смертников. После жестоких допросов, окровавленные, но никого не выдавшие, — они снова вместе. Через час друзья-парти-

заны, налетом на тюрьму, освободят смертников. Но вот в камеру вваливаются стражники.

«Офицер простуженно кашляет: — Предупреждаю, молодой человек, за неисполнение законных требований я отдам вашу девушку взводу моих солдат.

Илько молчит.

— Ну?.. Я надеюсь, вы будете благоразумны?..

Фенька сказала глухо, ровно издали:

— Илько, не смей.

Но, когда стражники бросаются на Феньку, сердце Илько не выдерживает: «партизанская кровь замитинговала в Илько. — Стой! ваше благородие, скажу... — Молчи! — отчаянно крикнула Фенька... — Ваше благородие.. Все скажу, я, я... Не соберет Илько мыслей, шатается Илько и видит вдруг: обняла Фенька стражника за шею крепко-накрепко, а другой рукой за зеленый шнур, за кобур, за наган и — первую пулю в него, в Илько: Бах...».

Через пять минут тюрьму освобождают и Фенька на свободе. Когда начальник партизан — «размашистый и радостный Александр спросил об Илько: — Куда подевался, не видно парня? — Фенька вскинула сползавший с плеча карабин и ответила: — Загнулся наш Илько... Сердце у него подтаяло.

В огне броду нет».

Так кончается «Дикое сердце». Но это только один из эпизодов жизни этих жестоких, «диких сердец». Неблагодарная (и не стоящая благодарности) вещь пересказывать содержание расска-

сказов А. Веселого, поэтому мы и ограничились передачей только одного эпизода, в которой мы предоставляли больше говорить самому автору.

Есть в «Диком сердце» одно место, одно лирическое отступление, в которое Артем Веселый контрабандным путем вложил всю свою (и нашу) ненависть ко всякому насилию человека над человеком. Будущий свободный историк оценит смелость этих слов А. Веселого:

«О, тюрьма — корабль человеческого горя — неполебимая, как тупость, ты плывешь из века в век, до бортов груженная кислым мясом и человеческой кровью... Крепость тиранов, твердыня земных владык, не нонче — завтра мы придем, мы кувыркнем тебя, раздергаем тебя по кирпичу и на твоих смрадных развалинах будем петь, будем плясать и славить солнце».

Б. С.

А. ПАНАЕВА. Семейство Тальниковых. «Академия» Ленинград, 1928.

Из-во «Академия» предприняло целую серию книг под названием «Памятники литературного быта». В дополнение к вышедшим уже воспоминаниям А. Панаевой (см. рецензию в В. Р.» за 1927 г.) и И. Панаева, теперь появляется роман А. Панаевой «Семейство Тальниковых».

Это история детства автора, не лишенное таланта и силы повествование об удушливом быте до-реформенной России. Недаром современники ставили этот роман,

запрещенный николаевской цензурой за «безнравственность и подрыв родительской власти», наряду с «Сорокой-Воровкой» Герцена. В ней не только изображена, но и опозорена вся система воспитания крепостнической России, и до сих пор эта реалистически-обличительная вещь сохраняет исторический интерес.

Значение книги увеличивает личность ее автора. К. Чуковский в очень интересном и обширном очерке, «Панаева и Некрасов», занимающем почти половину книги, дает яркую характеристику подруги поэта. Но «воображаемый портрет», этой женщины, слывшей смолоду одной из самых красивых женщин Петербурга, и бывшей в дружбе с Белинским и Добролюбовым, Достоевским и Герценом, страдает основным противоречием.

К. Чуковский задался целью очистить Панаеву от обвинения в том, что она присвоила деньги, вырученные от продажи имения Огарева, принадлежавшие ему и предназначенные его первой жене. Доказать невиновность Панаевой ему не удалось, а между тем, в процессе защиты, он так упростил ее образ, сделал эту сверстницу наших великих писателей, такой простой, почти ничтожной женщиной, что невольно возникает вопрос: если Панаева была только способна разливать чай, быть радушной хозяйкой и мечтать о детях, как сумела она написать такие яркие воспоминания и такой выдающийся роман, как «Семейство Тальниковых»?

М. Сл.